

...Но все девушки Бонда должны умереть,
И любой режиссер знает об этом,
Есть только один шанс спастись —
Вовремя выскочить из сюжета...

«Чайф»

Мой отец был психом. По крайней мере, меня пытались в этом убедить. Впрочем, не так трудно это и было, учитывая обстоятельства. Чем старше я становилась, тем проще было согласиться с данным утверждением.

Отец вообразил себя тайным агентом или кем-то там еще. Мы резво перемещались по стране, иногда выбирались за границу (пару таких случаев я помню совершенно отчетливо), нигде подолгу не задерживаясь. Меняли явки и пароли, одним словом.

Матери у меня не было, то есть она, разумеется, была, раз уж я появилась на свет, но я ее никогда не видела, если только совсем в раннем возрасте, воспоминаний о котором не осталось. Отец о маме помалкивал, а так как жизнь мы вели своеобразную, я довольно долго вопросами о ней не задавалась, знать не зная, что у человека непременно должна быть мать. Мне и отца хватало.

Но несмотря на все его старания оградить меня от внешнего мира, этот самый мир временами вторгался в нашу жизнь неожиданно-негаданно.

Года в четыре я спросила отца, почему другие дети гуляют с тетями, и кто эти тети вообще такие.

Отец неохотно пояснил, что у детей бывают мамы и папы. Но не у всех. У кого-то недостает отцов, у кого-то матерей.

Меня такое объяснение не особо устроило, потому что вопросов только прибавилось: например, почему недостает и отчего зависит, кто из родителей останется. Но по лицу отца я поняла: с вопросами лучше не лезть, и лишь согласно кивнула.

Однако через пару лет к данной теме вернулась.

Отец сел напротив меня и со всей серьезностью заявил: пора мне кое-что узнать.

Если честно, я мало что уяснила из того разговора. Но главную мысль отец до меня донес: у него сложная работа, мы не можем никому доверять, а главное, должны соблюдать осторожность.

Собственно, все это я не раз уже слышала, но теперь отец особо напирал на свою таинственную работу, многочисленных врагов, которые подстерегали нас за каждым углом, и необходимость быть умнее и изворотливее, чем они.

— Ты должна быть профессионалом, — сказал он, и слово я запомнила.

Особенно мне понравилось, что отец сказал: я — его главное сокровище. Я обязана помнить об этом и, само собой, не давать повода врагам торжествовать победу.

Зовут меня Татьяна, Таня, но отец называл меня Тайной, это мне тоже нравилось.

Само собой, занятые спасением мира (а чем еще заниматься тайным агентам?!), жить как нормальные люди мы не могли. Ни в детский сад, ни в школу я не ходила. Отец занимался со мной сам.

Как выяснилось позднее, занимался неплохо. В общем, я не только хорошо знала, как оторваться от слежки или незаметно проникнуть в любое здание или учреждение, а затем так же незаметно его покинуть, но и школьную программу по пятой класс включительно.

Пожалуй, я была куда образованнее своих сверстников, потому что много читала.

Неудивительно, учитывая тот факт, что нормального общения с другими детьми меня лишили.

Иногда мне позволялось поиграть на детской площадке (всякий раз на новой и в разных концах города), но если и удавалось с кем-то познакомиться, то знакомство это длилось недолго: час, полтора от силы.

Я любила наблюдать за людьми из окна квартиры или машины (чаще всего я видела их именно так) и представляла себе чужую жизнь. Получалось не очень. Я понятия не имела, чем нормальные люди обычно занимаются.

Больше трех-четырёх месяцев мы на одном месте не задерживались и устремлялись дальше. Откуда у моего отца-психа были на это деньги, остается загадкой.

Мне исполнилось одиннадцать, а через четыре месяца после этого отец разбудил меня среди ночи.

Выглядел он странно. То есть поначалу особых странностей я не усмотрела, не в первый раз он поднимал меня среди ночи, чтобы спешно покинуть очередную квартиру и очередной город.

Позевывая, я начала одеваться, и вот тогда обратила внимание на то, что говорит отец с трудом, лицо у него серое, на лбу испарина. Он держался левой рукой за бок и отчетливо скрипел зубами, но что там с его боком, под пиджаком не разглядишь.

— У нас проблемы, — сказал отец, но я к тому моменту и без того поняла: дело плохо.

— Что с тобой? — спросила испуганно.

— Ерунда, — ответил он и поморщился. — Но нам на некоторое время придется расстаться.

Если честно, смысл слова «расстаться» до меня дошел далеко не сразу.

— Ты уже взрослая, немного побудешь одна, — продолжил отец. — Через месяц, от силы через два, я за тобой приеду. Ни о чем не беспокойся. Где бы ты ни была, я тебя найду. А сейчас хорошо запомни, что ты должна сделать.

Я внимательно выслушала все, что он сказал, повторила практически дословно и даже не испугалась открывающихся перспектив. Может, просто толком не поняла, что меня ждет, а может, отец весьма преуспел, воспитывая из меня агента 007, и я оказалась совершенно бесстрашной девчушкой.

Мы покинули съемную квартиру, сели в машину и через полчаса тормозили в переулке неподалеку от вокзала.

— Отделение полиции за углом. Ты все помнишь? — Я кивнула, и мы с минуту молча смотрели друг на друга.

Отец меня обнял, поцеловал в макушку и сказал:

— Ну, иди, ничего не бойся.

Я опять кивнула, вышла из машины и устремилась вперед. Мне очень хотелось оглянуться, но я подумала: отцу это вряд ли понравится, чего доброго, он решит, что я боюсь.

И я сдержалась.

Свернула за угол и увидела здание с вывеской на фасаде «Полиция». Туда я и направилась.

Дежурный, обнаружив меня за стеклянной перегородкой, слегка растерялся. А вот я четко следовала инструкциям, и для начала сообщила, что потеряла папу.

Мой рассказ сводился к следующему: сегодня мы приехали с отцом к его другу дяде Ване. Я осталась в квартире этого самого друга, а они с отцом куда-то ушли. Вечером вернулся один дядя Ваня. Отвел меня на остановку, неподалеку от полиции, и велел ждать отца, что, собственно, я и делала до глубокой ночи. Отец не появился, мне стало страшно, и я пошла в полицию, потому что знаю: полиция помогает людям в беде.

В общем, я крепко озадачила дежурного, а потом его коллег, ну и, само собой, появившееся к утру начальство.

О себе я сообщила следующее: я — Таня Свиридова, папу зовут Юра, мне одиннадцать лет, вот, собственно, и все. В школу я не хожу, занимается со мной папа, приехали мы из соседней области (добирались рейсовыми автобусами), там жили у папиного друга, дяди Игоря, адрес я не знаю. А до этого жили в Самаре, у тети Веры. Адрес, само собой, я тоже не помню. Мамы у меня нет, и никакой родни тоже, жили мы всегда у папиных знакомых.

Ну, и главное. Папа предупреждал, если вдруг не вернется, мне следует идти в полицию и назвать комбинацию цифр: 14091520 и слово «Тайна». Мне обязательно помогут.

Я думаю, примерно в этом месте в полиции решили, что отец у меня псих. Но вслух этого никто не сказал. Щадили чувства ребенка.

Уже на следующий день у меня появился психолог, который попытался меня разговаривать. Но не особо преуспел. Он ведь не знал, что перед ним практически готовый тайный агент.

Я помнила главное правило: отвечать коротко, по возможности «да» или «нет». Затем меня навестил следователь.

Его я тоже не порадовала. Где находится квартира дяди Вани, я не знала, к остановке мы шли дворами и довольно долго. Я испугалась, что папы нет, и ничего не запомнила, кроме детской площадки. Но это, как вы понимаете, та еще примета. В то время камер наружного наблюдения в городах было немного, в основном возле банков и прочих учреждений, а мы, по моим словам, шли дворами.

Отца, само собой, искали. Но безрезультатно.

Через несколько дней ко мне явился посетитель, мужчина средних лет, в черном костюме. Говорил он со мной чрезвычайно серьезно, хотя время от времени вдруг начинал улыбаться и переходить на отеческий тон.

Отец предупреждал: подобный человек непременно появится, и вот он появился. Меня данное обстоятельство сильно успокоило: все идет по плану.

Я тут же выдала ему комбинацию цифр и слово «Тайна».

Он трижды моргнул, что должно было меня насторожить. Но не насторожило. Все-таки я была одиннадцатилетним ребенком.

Он кивнул и спросил:

— Тебе известно, что это значит?

— Нет, — сказала я. — Но это должно быть известно вам.

Он вновь кивнул и начал задавать вопросы.

Я на них ответила, как велел отец. Разумеется, на те вопросы, ответы на которые знала.

Мы говорили довольно долго. Потом он приходил еще дважды.

Второй раз не один, а с таким же серьезным мужчиной в очень похожем темном костюме.

Время от времени они переглядывались, вопросы предпочитали задавать по очереди, так что мне приходилось вертеть головой от одного к другому.

Будь я постарше, наверняка бы сообразила: оба пребывают в глубочайшем недоумении.

К тому моменту прошел уже месяц, поиски моего отца, а также мифического дяди Вани ничего не дали. Я начала беспокоиться, потому что отцу пора было появиться. И в один прекрасный момент, покинув место своего временного пребывания, я отправилась на квартиру, где мы жили с отцом.

Адрес я отлично помнила, да и дорогу нашла легко. Разумеется, трижды проверила, нет ли слежки. В подкладке куртки у меня был спрятан ключ.

Я позвонила в дверь.

Выждав время, дверь открыла. Квартира выглядела в точности так, как я ее помнила. За одним исключением: наших вещей здесь не было. Никаких следов недавнего пребывания. Если отец и находился в городе, то в каком-то другом месте.

Я собралась реветь, но вовремя одумалась. Я ведь уже взрослая. А взрослые не режут. Хотя данное утверждение теперь казалось весьма спорным.

Там, где я провела целый месяц, разрешалось смотреть телевизор (отец был противником телевидения, правда, против интернета не возражал), так вот, к тому моменту я много чего успела насмотреться. Как бы то ни было, а реветь я не стала. И вернулась в свое временное жилище, где меня так и не хватились (будучи на редкость спокойным ребенком, хлопот взрослым я не доставляла, и на мое отсутствие внимания так и не обратили, решив, что я где-то засела с книжкой).

Мне же надлежало решить, что делать дальше. Впрочем, выбора, по сути, не было. Идея болтаться по улицам в одиночку не привлекала, оставалось ждать отца. Он сказал, что придет за мной, значит, придет. Отец никогда меня не обманывал.

Судя по всему, люди, занятые поисками моего отца и каких-либо следов нашего с ним пребывания на этой земле до момента моего появления в полиции, признали свое поражение. Или у них появились дела поважнее.

Серьезные мужчины в костюмах больше не появлялись.

Одна из сотрудниц доверительно сообщила, что меня отправят в «хорошую» семью, сделав ударение на слове «хорошая», где я буду жить.

Я восприняла это с олимпийским спокойствием, уверенная, что отец заберет меня со дня на день.

Но прошел еще месяц, потом еще...

В семью меня так и не определили, и к Новому году я оказалась в детском доме, который находился в селе Иванчиково, в бывшей помещицкой усадьбе, каким-то чудом пережившей и революцию, и войну, и прочие невзгоды. До села от детдома было километра полтора. Учились мы в сельской школе, мы — это семнадцать человек воспитанников, именно столько детей числилось в детском доме на момент моего появления там.

Число это с годами то уменьшалось, то увеличивалось. Помнится, однажды дошло до двадцати трех.

Я до сих пор гадаю, что ж это было за место такое? То есть место во всех отношениях вполне себе нормальное, даже приятное. Одноэтажный помещичий дом, обшитый вагонкой. Каждую весну его красили в серый цвет, а веранду — в белый. Спальни для мальчиков и для девочек, отделенные друг от друга просторными игровыми комнатами. Их тоже было две: для малышей и тех, кто постарше. Самому младшему из нас было шесть лет, двое старших готовились летом покинуть заведение. Весь обслуживающий персонал набрали из жителей села.

Школу, как я уже сказала, мы посещали местную, но каждый день из города приезжали два психолога. Мне досталась Вера Кузьминична, забавного вида старушенция, в огромных очках. Седые волосы она стригла очень коротко, оставляя лишь челку, из-за чего напоминала мне постаревшего пионера-героя (их портреты уже лет сорок украшали холл школы). Она была заядлой курильщицей, но курить при детях считала непедagogичным и пряталась за погребом, зимой неслась туда в наброшенном на плечи пальто, скользя в туфлях на узкой дорожке, а воспитатель, Марья Сергеевна, качала головой, бормоча сквозь зубы:

— Охота пуще неволи. А Вовка — лодырь. Дорожки как следует расчистить не может.

Вовка-лодырь был ее мужем и числился дворником, а также мастером на все руки. Он и правда умел делать все, в те редкие мгновения, когда на него вдруг снисходило трудолюбие.

Некоторая странность места, куда меня определили, была связана, разумеется, не с Вовкой, не с помещичьим домом и даже не с Верой Кузьминичной, хотя теткой она была довольно занятой, с кучей тараканов в голове.

Вопросы вызывали сами воспитанники. Наверное, были среди них вполне обычные дети, но большинство... большинство, как и я, могли порассказать много чего интересного, если имели к тому охоту. И обладали довольно странными навыками.

Про меня вы уже кое-что знаете: тайный агент-недоучка. Но встречались биографии и позатейливее.

Кстати, именно Вера Кузьминична ласково сообщила мне: «Деточка, твой папа был нездоров».

Поначалу это очень раздражало, особенно в первые годы, когда я еще ждала отца. Впрочем, я ждала его до самого последнего дня пребывания в детском доме. Но чем старше я становилась, тем меньше у меня находилось возражений.

Как ни крути, а нашу с отцом жизнь нормальной уж точно не назовешь. Однако поверить в то, что отец меня бросил, я не могла.

И вот тогда явилась догадка. В мельчайших деталях вспоминая ночь, когда мы расстались, я вдруг поняла: враги-таки добрались до нас. Отец был ранен (держался за бок, бледное лицо, испарина) или болен (скорее, отравлен), и, разумеется, хотел спасти меня. Потому и отправил в полицию, где меня должны были найти его друзья или он сам, если выживет.